

СЛЕДСТВЕННАЯ ВЕРСИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Конструирование новых методов раскрытия и расследования преступления сопровождается анализом содержания и значения уже имеющихся методов, представленных в виде познавательных моделей, в частности следственной версии. Делается попытка рассмотрения вопросов следственной версии с позиции её соотношения с другими предлагаемыми моделями расследования, прежде всего такой, как мысленная модель, а также с материальными моделями, построенными и используемыми следователем.

Ключевые слова: теория расследования; информационная модель расследования; криминалистическая характеристика преступлений.

Метод моделирования, как известно, появился в связи с необходимостью решения исследователем таких задач, которые, по ряду причин, не могут быть решены путем непосредственного изучения предстоящего ему объекта; в криминалистике сегодня он является приоритетным в структуре ситуационного подхода и познания истины при расследовании преступлений [1. С. 193–194; 2. С. 171–202; 3. С. 48]. Специфика данного метода состоит в том, что место исследуемого объекта занимает его мысленно представляемая или материально сконструированная система, позволяющая в процессе оперирования с ней получать новую информацию об этом объекте. Как правильно отмечают отдельные авторы, именно возможность осуществить процесс исследования (процесс опосредованного познания) события позволяет отделить мысленную модель от любых мысленных представлений следователя [4. С. 10–11].

При построении модели и в процессе оперирования ею важно помнить, что модель охватывает не все свойства оригинала, а лишь те, которые являются существенными для целей познания. В силу того что модель представляет оригинал, между ними как системами, должно существовать сходство их элементов и структур.

Следственная версия определяется как мысленная модель и сравнивается, прежде всего, с материальной моделью. Разделение моделей на мысленные и материальные, на наш взгляд, не является противопоставлением одной модели другой: для того, чтобы построить материальную модель, необходимо вначале абстрагироваться от второстепенных признаков реального объекта, т.е. осуществить, по сути, мысленное моделирование. Учитывая, что моделирование есть процесс исследования, различие между мысленной и материальной моделями, на наш взгляд, состоит в способе включенности их в названный процесс: первая включена умозрительно, вторая – чувственно, зрительно-наглядно.

Одной из первых моделей, используемых в теории и практике криминалистики, стала следственная версия. В рамках получившего широкое распространение в криминалистике метода моделирования криминалистическая (следственная) версия рассматривается как идеальная информационно-логическая модель расследуемого события [5. С. 128; 6. С. 29; 7. С. 9]. Теоретическая значимость следственной версии проявилась в том, что в результате исследования соответствующих положений была создана основа для выделения иных моделей, используемых в процессе расследования преступлений; отсюда несомненно важными являются вопросы о характере следственной версии как модели, её

основаниях, характере взаимообусловленности и взаимодействия следственной версии и иных моделей, проявляющихся в ходе исследования деяния, содержащего признаки состава преступления.

Одним из первых авторов, наметивших возможность перехода от следственной версии к иным информационным моделям расследования преступления, был Л.Я. Драпкин, который выделил, помимо фактического основания, также теоретическое основание следственной версии. Отмечалось, что фактическая база версии формируется за счет результатов проведения следственных, оперативно-розыскных и проверочных действий; важное свойство информации, составляющей фактическое основание следственной версии, состоит в том, что «она находится как бы “внутри” уголовного дела, четко ограничена его процессуальными и объемно-логическими рамками» [8. С. 140].

Совсем иной информационно-логический статус имеет теоретическая база следственной версии. Ее познавательная ценность, как отмечено для сравнения, состоит в том, что она представляет собой дополнительную информацию, сосредоточенную в групповых криминалистических характеристиках, фактических презумпциях, коллективном опыте и других обобщенных знаниях, аккумулированных в памяти и специальной литературе. При этом тезаурус (запас сведений) интегрированной информационно-поисковой системы должны составлять не отдельные обстоятельства (даже такие важные, как способ совершения преступления или приметы виновных лиц), а комплекс всех элементов криминалистической характеристики [8. С. 140–141].

Е.Е. Центров, отмечая необходимость понимания следственной версии как интегральной идеи, подчеркивает, что по своему содержанию каждая выдвинутая по делу версия основывается не только на имеющихся данных, но и на опыте следователя и т.п. [9. С. 10].

На наш взгляд, такой подход является верным и должен получить свое развитие в понятии криминалистических целей следственного действия [10. С. 478–484; 11. С. 382–385]; очевидно, что в рассуждениях Л.Я. Драпкина и других авторов криминалистическая характеристика преступления предстала в виде специфической модели. Выделение теоретической базы следственной версии указывает лишь на источник формализованных знаний, используемых в процессе расследования, и не означает, как считают некоторые авторы, что «следователь (как основной субъект криминалистической деятельности) *теоретически* познает тот или иной объект» [12. С. 51].

В свое время Л.Я. Драпкин предлагал различать фактическую и теоретическую базы следственной версии несколько иным, специфическим образом: к фактической базе он относил имеющуюся в распоряжении следователя информацию о каком-либо событии (в его конкретном случае – труп неизвестного мужчины), к теоретическим основам версии – возможные причины (т.е. собственно версии) данного события. «Информацию об обнаружении трупа неизвестного мужчины (В), – писал он, – можно считать фактической базой, а каждый из четырех вариантов возможной причины смерти (А₁, А₂, А₃, А₄) – теоретической базой версии» [13. С. 60–72]. В дальнейшем указанный автор, исследуя вопросы теоретического основания криминалистической версии, не только не включает в число элементов, которые его образуют, сами предположения, но рассматривает вероятностный вывод как третий компонент версии [14. С. 52].

Умозрительная природа следственной версии в ходе развития криминалистической теории вызвала вопрос о соотношении понятий «следственная версия» и «мысленная модель».

Достаточно широко представлена точка зрения, разделяющая следственную версию и мысленную модель как весьма близкие, но в то же время различные понятия [15. С. 6; 16. С. 148]. К примеру, Г.А. Густов предлагает отличать мысленную криминалистическую модель как «образ, детально воспроизводящий в мышлении существенные для целей криминалистического исследования свойства познаваемого объекта», от версии как категории логической, выражаемой лишь с помощью обыденного языка; в отличие от следственной версии, мысленная модель «требует больших интеллектуальных усилий»; «оперируя мысленной моделью, следователь временно переключает свое внимание с оригинала на искусственный объект и возвращается к оригиналу», чего не происходит при работе с версией [17. С. 36–39].

С данным утверждением трудно согласиться по ряду причин. Так, при конструировании следственных версий возможно построение «древа версий» в той степени конкретизации, которая необходима для детального умозрительного видения картины происшествия; проверка следственных версий (то, что указанный автор называет оперированием мысленной моделью) требует сопоставления версионной картины с той, которая предстает в виде полученных доказательств; версия (как и предлагаемая мысленная модель) может сопровождаться выполнением рисунков и схем; такое называемое Г.А. Густовым преимущество мысленной модели перед следственной версией, как отображение всех вариантов видения изучаемого объекта, одни из которых являются до поры до времени ложными, есть не что иное, как требование выдвижения всех версий, каждая из которых опровергает другую, и лишь одна из них объективно отражает объясняемое с её помощью обстоятельство.

Вопрос о познавательной сущности следственной версии предполагает, наконец, исследование вопроса о соотношении понятий «следственная версия» и «информационная модель расследования». Следует, прежде всего, сказать, что термин «информационная модель расследования» сам по себе многозначен; причина это-

го состоит в том, что неотъемлемым признаком модели является её системность; отсюда любая система может быть представлена в виде специфической модели. Соответственно, можно говорить о двух разновидностях информационных моделей: одна из них есть умозрительно сконструированная схема познаваемого явления с целью «схватить» наиболее существенные его стороны, другая – реально познанное с помощью первой модели явление (т.е. то, что принимает значение следственной ситуации).

Р.А. Ратинов, исследуя вопросы информационного моделирования в процессе доказывания по уголовному делу, приходит к мнению о необходимости выделения двух видов информационных моделей: вероятностная, представляющая по сути следственную версию, и достоверная как совокупность установленных по делу доказательств [18. С. 191]. Л.Я. Драпкин, характеризуя следственную ситуацию как сложившееся по уголовному делу состояние, представленное тактико-психологическими, тактико-управленческими и т.д. элементами, говорит о реальном состоянии как о модели [20. С. 17].

Аналогично Н.В. Кручинина различает две модели, одна из которых – фактическая модель, результат деятельности следователя: эта модель «...сравнивается с первичной моделью события, построенной до начала проверки, что позволяет определить сходство и различие объектов сравнительного анализа, достаточность или недостаточность полученных знаний для принятия соответствующего решения и составления представления о завершении либо продолжении проверки» [21. С. 30].

Такой подход целиком соответствует высказываниям о роли и видах модели в процессе познания. При рассмотрении вопроса о познавательной деятельности отмечается, что «конечный результат познания – полученная информация о внешней среде – должен быть зафиксирован, описан, представлен в виде определенной модели» [22. С. 57], т.е. системного знания; по сути дела, в конкретном уголовном деле полученные доказательства представлены сведениями, сгруппированными относительно структурных элементов модели: обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Гораздо сложнее решается вопрос о соотношении следственной версии как мыслительной модели с информационной моделью преступления в том случае, когда последняя также рассматривается как умозрительное образование. «Информационная модель расследуемого преступления, – писал А.И. Баянов, – есть мысленное построение следователя, судьи, основанное на имеющейся информации о расследуемом событии, а также основанная на ней система версий, объясняющих как общее содержание события, так и его отдельные элементы, служащие средством исследования обстоятельств уголовного дела» [23. С. 135]. Как видим, в данном определении выражена мысль о том, что, помимо следственной версии, имеются иные элементы мысленной модели расследования преступлений. К сожалению, А.И. Баянов не указывает, какие элементы, помимо следственных версий, составляют информационную модель расследуемого преступления.

В литературе можно встретить позицию, при которой выделение, наряду с версией, также информацион-

ной модели, дается без указания их отличий: информационная модель, как и следственная версия, призвана отражать фактические данные и построенные на них предположения [24. С. 622]. При этом несколько натуралистичным представляется рассуждение о реализации прогностической функции информационной модели расследования, которая проявляется в «...наложении информационной модели механизма на материальную обстановку события: место происшествия, тело и одежду участвующих в нем лиц, используемые при этом орудия и средства преступления» [24. С. 623].

Несомненно важным является вопрос о таком виде теоретических основ следственной версии, как криминалистическая характеристика преступления. Представляется методологически правильным рассматривать теоретическую и фактическую основы следственной версии в их неразрывном единстве. Решение данного вопроса требует называния определенного контекста. В том случае, когда в распоряжении следователя имеется значительный объем информации, причем информация, получившей «статус» доказательства, главное значение приобретают фактические основания криминалистической версии; в противном случае приоритетное положение займут её теоретические основы. Именно в данном контексте Ю.П. Гармаев и другие авторы, рассматривая содержание второго этапа конструирования базовой методики расследования, который получил название «версионный этап», видят его главной задачей построение на основе криминалистической характеристики преступления версий о субъектах преступления, их связях, способах и т.п. [25. С. 106; 26. 104]. Данное суждение, несомненно, является верным, поскольку касается типичного, т.е. того, что проявляет себя в схожих ситуациях.

На наш взгляд, можно говорить о том, что применительно к общей версии о преступном характере исследуемого события и связанным с ней частным версиям криминалистическая характеристика преступления выступает одновременно в роли как фактических, так и теоретических оснований предположений. Дело в том, что имеющаяся в распоряжении следователя информация, прежде всего полученная в ходе изучения материальной и идеальной «следовой картины» происшествия, будучи фактическим основанием общих и частных следственных версий, одновременно является контуром тех криминалистически значимых элементов, которые, в своей совокупности, с большей или меньшей долей вероятности будут указывать на отдельный вид (группу) преступлений. Полученная следователем информация уже в самом начале исследования события существует не как конгломерат сведений, а как структурированные в большей или меньшей мере сведения, причем структурированные относительно тех или иных элементов криминалистической характеристики преступления (нескольких преступлений, например, преступного нарушения правил пожарной безопасности и умышленного уничтожения имущества путем поджога). Представляется, что только при таком подходе становится ясным, каким является механизм *задействования абстрактной информации, заключенной в криминалистической характеристике преступления*, применительно к реальному событию. При этом не следует

забывать важнейшее положение логики о том, что если хотя бы одна из посылок умозаключения является проблематичной, т.е. вероятностной, то проблематичным будет и само умозаключение. Проблематичность же посылки, которую мы называем теоретической основой версии, в которую входит ряд научных положений о криминалистической характеристике преступления, как говорится, очевидна.

Использование такой модели, как криминалистическая характеристика преступления, в качестве теоретических основ следственной версии не означает её служебную роль, исчерпаемость своего значения фактом построения следственной версии как вероятностного знания. Криминалистическая характеристика преступления уже в самом начале исследования события предстает как модель поисково-познавательной деятельности, являясь формой криминалистических целей следственного действия, т.е. имеет операциональное значение, выступает в процессе производства следственного действия средством криминалистического анализа причинно-следственных и иных связей между элементами преступного события, получившим свое отображение в материальных и идеальных следах.

Являясь характеристикой конкретного деяния, она представлена, прежде всего, специфической следовой картиной, причем следовой картиной, структурированной относительно отдельных обстоятельств, которые получили название элементов криминалистической характеристики преступления. В этом случае криминалистическая характеристика преступления выступает предпосылкой выбора тактико-криминалистических средств, направленных на изучение проявлений связей между отдельными её элементами и содержания самих элементов.

Рассматривая криминалистическую характеристику преступления как структурированную определенным образом информацию, реализующую свой познавательный потенциал в виде предпосылки тактико-криминалистических средств, можно понять, каким образом данная характеристика, имея различный уровень своего содержания как модели, выступает в качестве информационно-познавательной базы методики расследования преступлений, о чем говорят отдельные авторы [27. С. 12–122].

Таким образом, информационная модель расследования преступления, на наш взгляд, может быть представлена двумя частями. Первая из них есть умозрительные образования, конструируемые и применяемые с целью опосредованно познать (представить) наиболее существенные стороны происшествия. К числу их относятся такие модели, как следственная версия и криминалистическая характеристика преступления. Вторая часть как модель представлена реально существующим положением, сложившимся в результате расследования, и принимает в общем виде значение следственной ситуации. Однако если в первом случае криминалистическая характеристика преступления как умозрительная модель служит основанием конструирования другой умозрительной модели – следственной версии, то во втором случае криминалистическая характеристика как совокупность информации об элементах криминалистической характеристики расследуемого преступ-

ления занимает центральное место в следственной ситуации, помимо сведений об оказываемом противодействии, возможных источниках информации и т.п.

Следует, очевидно, вести речь об информационном моделировании расследования преступления как о процессе, в котором задействованы различные взаимосвязанные и взаимообусловленные модели: криминалистическая характеристика преступления, следственная версия и следственная ситуация.

В заключение следует сказать, что научные положения информационной модели расследования получили, на наш взгляд, свое воплощение в таких категориях, как «криминалистическая характеристика преступления» и «криминалистическая характеристика расследования» [28. С. 212–216], которые целиком соотносятся с выделяемыми отдельными авторами двумя классами моделей – моделями преступления и моделями расследования [4. С. 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ведерников Н.Т., Гавло В.К.* Методика расследования как особая теоретико-методическая модель – информационный аналог расследования криминальных событий // Актуальные вопросы государства и права на современном этапе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 193–194.
2. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 395 с.
3. *Ким Д.В.* Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. 196 с.
4. *Волчецкая Т.С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: Учеб. пособие. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 95 с.
5. *Рашинов Р.А.* Судебная психология для следователей: Учебное пособие. М.: Высш. школа МООН СССР, 1967. 291 с.
6. *Ларин А.М.* От следственной версии к истине. М.: Юрид. лит., 1976. 199 с.
7. *Пецак Я.* Следственные версии. Криминалистическое исследование. М.: Прогресс, 1976. 226 с.
8. *Драпкин Л.Я., Бородин Е.А.* Информационно-поисковая функция криминалистической характеристики преступления // Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 139–142.
9. *Центров Е.Е.* Следственные версии и некоторые новации «информационных технологий доказывания» // Вестник криминалистики / Под ред. А.Г. Филиппова. М.: Спарк, 2007. Вып. 3 (23). С. 4–13.
10. *Князьков А.С.* Криминалистика: Курс лекций / Под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
11. *Князьков А.С.* Криминалистические цели и задачи следственного действия: постановка проблемы // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Ю.Д. Лившица. Челябинск, 2009. С. 382–385.
12. *Стояновский М.В.* Классификационный подход в криминалистической науке и практике (на примере криминалистической тактики). М.: Юрлитинформ, 2010. 160 с.
13. *Драпкин Л.Я.* Логико-психологический механизм построения следственных действий // Методика и психология расследования преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1977. Вып. 52. С. 58–74.
14. *Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н.* Криминалистика: Учебник. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. 672 с.
15. *Хлынов М.Н.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений / Под ред. В.Г. Власенко. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 159 с.
16. *Лозовский Д.Н.* Методы расследования преступлений / Под науч. ред. проф. О.В. Чельшевой. М.: Юрлитинформ, 2010. 168 с.
17. *Густов Г.А.* Моделирование в работе следователя: Учеб. пособие. Л.: Прокуратура СССР; Ин-т усовершенствования следственных работников Прокуратуры и МВД СССР, 1980. 188 с.
18. *Рашинов Р.А.* Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и право / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1967. С. 180–199.
20. *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 163 с.
21. *Кручинина Н.В.* Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 54 с.
22. *Тарасенко Ф.П.* Прикладной системный анализ: Учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2010. 224 с.
23. *Баянов А.И.* Понятие вероятностно-информационной модели расследуемого события // Проблемы уголовного процесса и криминалистики: Сб. науч. ст. / Под ред. проф. Д.С. Кареева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 128–135.
24. *Крестовников О.А.* Криминалистическое исследование материальной обстановки и механизма расследуемого события // Криминалистика: информационные технологии доказывания. М.: Зерцало-М, 2007. С. 608–631.
25. *Гармаев Ю.П.* Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 342 с.
26. *Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф.* Проблемы создания криминалистических методик расследования: Теория и практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 303 с.
27. *Гавло В.К.* К вопросу о криминалистической характеристике преступлений // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью: Сб. науч. ст. Томск, 1980. С. 120–122.
28. *Гавло В.К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 333 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2011 г.